

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 17 Суббота, 10 (23) мая 1903 г. № 17

Русскіе художники въ Парижѣ.

Давидъ Осиповичъ Витгофъ.

Карьера Витгофа.—Монмартрскіе нравы.—Обычаи во французской академіи художествъ. — Приключеніе съ гарсономъ.—Композиціи Витгофа.

Давидъ Осиповичъ Витгофъ считается однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ Парижа. Его ставятъ наравнѣ съ такими мастерами рисунка,—общепризнанными, первоклассными,—какъ Форэнъ, Стейнляйкъ. Это сказалъ въ моемъ присутствіи самъ маститый Бугеро.

Особенно хороши у Витгофа портретные рисунки. Нѣкоторые прямо напоминаютъ Гольбейна по силѣ внутренней жизни и обаятельной, говорящей о большихъ анатомическихъ знаніяхъ—„сухости“. Я видѣлъ работы Витгофа портреты Василія Ивановича Немировича-Данченка и Жерома. Оба они напечатаны въ „Le Courrier Français“, гдѣ Давидъ Осиповичъ сотрудничаетъ постоянно, зарабатывая около трехъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Въ настоящее время Витгофъ рисуетъ для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Алексѣя Алексѣевича Харламова въ его мастерской.

Судьба Давида Осиповича несовсѣмъ обычайна. Онъ родился въ Одессѣ и окончилъ тамъ рисовальную школу. Продолжалъ свое художественное образованіе въ Мюнхенѣ. Изъ Мюнхена пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь на первыхъ порахъ ему пришлось страшно бѣдствовать. „Случалось, я голодалъ по цѣлымъ недѣлямъ“,—разсказываетъ про себя Витгофъ. Мало-по-малу онъ началъ работать для журналовъ, его замѣтили. Положеніе его рѣзко перемѣнилось: онъ сталъ всюду желаннымъ гостемъ. Но быстрый успѣхъ не вскружилъ ему головы. Витгофъ, желая совершенствоваться въ рисункѣ, все свободное отъ журнальной работы время отдавалъ академіи, гдѣ терпѣливо, какъ ученикъ, штудировалъ натуру.

Время бѣжало...

Вдругъ въ одинъ прекрасный день Витгофу предлагаютъ мѣсто директора открывающейся академіи художествъ въ Бразиліи. Давидъ Осиповичъ согласился и уѣхалъ въ Южную Америку. Но недолго пришлось ему директорствовать. Черезъ два года академія прекратила свое существованіе за недостаткомъ учениковъ. Эстетика и любовь къ пластическимъ искусствамъ не привилась у бразильцевъ.

Витгофъ возвратился въ Парижъ. Началъ выставлять свои рисунки въ магазинахъ Монмартра. Это были жанрики, вѣрно схваченные и наблюденные, изъ колоритной и пестрой жизни улицъ, кафэ и бульваровъ. Рисунки понравились издателю „Le Courrier Français“—Жюлю Року, который и пригласилъ Витгофа для постояннаго у себя сотрудничества.

Я пересмотрѣлъ журналъ Жюля Рока за нѣсколько лѣтъ. Около двухъ тысячъ рисунковъ Давида Осиповича помѣщено во „Фран-

Петровская всероссійская выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ. — Общій видъ выставки.
На заднемъ фонѣ декорація, сливающаяся съ цвѣточными насажденіями.

пузскомъ Курьерѣ". Тамъ и портреты знаменитостей, и гризетки, проснувшіяся послѣ оргіи, и фантастическія композиціи, и мотивы малороссійской жизни. Напримѣръ, „Прощаніе запорожца съ любимой дивчиной", „Вечерницы". Витгофъ любитъ Россію и тоскуетъ по ней. Свою тоску онъ выливаетъ въ рисункахъ изъ жизни далекой и вмѣстѣ близкой дорогой ему Украйны.

Давидъ Осиповичъ живетъ у самаго Монмартрскаго кладбища. Чтобы попасть къ нему, надо подняться по крутой и довольно глухой улицѣ Турлакъ, надо войти въ чистенькій асфальтовый дворикъ съ мраморными богинями на фонѣ лимонныхъ деревьевъ, растущихъ въ кадкахъ; надо позвонить у чугунной двери съ кольцомъ. Вамъ откроетъ ее красивый, атлетическаго вида, румяный брюнетъ съ черной густой бородой и черными энергичными глазами. На немъ длинный парусиновый балахонъ, разстегнутый на груди и позволяющій видѣть крѣпкую бронзовую шею. Это и есть самъ Витгофъ.

чрезвычайно типичны для парижской жизни, и поэтому я остановлюсь на нихъ подробно.

Предоставляю говорить самому герою этихъ „авантюръ".

— ...У меня правило: въ какой бы странѣ я ни находился, я тотчасъ же изучаю практикуемые въ ней способы борьбы. Живя въ Одессѣ, я превосходно усвоилъ „боевые" пріемы воинственныхъ босяковъ, которыхъ тамъ видимо-невидимо. Въ Парижѣ я ознакомился съ тактикой макро и сутенеровъ. Иначе, несмотря на мою силу, меня давно уже нашли бы на Монмартрѣ избитымъ, ограбленнымъ, а то и зарѣзаннымъ. Всѣ эти макро—народъ чрезвычайно ловкій. Худосочный мальчишка

Въ Бразиліи я научился защищаться туземной навахой. Это—маленькій складный ножикъ, острый, какъ бритва.

Молодцы, пускающіе наваху въ ходъ почти ежеминутно, называются тамъ „капуэро". Одинъ капуэро можетъ изрѣзать десять неопытныхъ противниковъ, причемъ наваха, которой онъ описываетъ предательскіе быстрые круги, все время лежитъ у него тупой стороной на ладони. Нѣкоторые зажимаютъ ее между пальцами ногъ и дерутся вооруженными такимъ страшнымъ образомъ ногами. Негры прячутъ наваху въ своихъ густыхъ спутанныхъ волосахъ и, нападая, производятъ впечатлѣніе бодающихся...

Динамитная катастрофа въ Салоникахъ.

Рисунокъ изображаетъ улицу въ Салоникахъ, на которой помѣщался Оттоманскій банкъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ взрыва. Подкопъ, какъ извѣстно, былъ проведенъ подъ улицей изъ дома, расположеннаго напротивъ банка. Развалины банка охраняются турецкимъ патрулемъ.

Онъ сразу производитъ впечатлѣніе человѣка громадной физической силы. Такъ и тянетъ пощупать его мускулы, которые, при ближайшемъ ознакомленіи, дѣйствительно оказываются стальными. Имѣя нѣкоторое понятіе о парижскихъ порядкахъ вообще, а о монмартрскихъ въ частности, я спросилъ:

— Давидъ Осиповичъ, приходилось вамъ драться?

Витгофъ улыбнулся широкой добродушной улыбкой.

— Не люблю я этого...

— Какъ и всѣ почти очень сильные люди... Но все-таки?

— Да, нѣсколько разъ случалось.

— Не завидую вашимъ противникамъ.

Тѣ нѣсколько случаевъ, когда Витгофъ пускалъ въ ходъ свою необычайную силу,

свалитъ съ ногъ любого неподготовленнаго великана.

Способовъ нападенія у нихъ множество: то они ударяютъ васъ головой въ високъ, то въ животъ, то ногой въ колѣнку, то ослѣпляютъ въ буквальномъ смыслѣ слова, выкалывая оба глаза вытянутыми пальцами—указательнымъ и мизинцемъ. Ножами дерутся эти апахи, — мы, художники, называемъ ихъ апахами,—артистически. Одинъ взмахъ—и животъ распоротъ.

Витгофъ иллюстрировалъ и пояснялъ свои слова соотвѣтствующими, весьма гибкими движеніями.

Его сбитая, крѣпкая фигура напоминала упругую эластическую пружину. Она присѣдала, вскакивала, падала, выбрасывая руки и ноги.

Въ Англіи я учился боксу... Однако, перехожу къ моимъ случаямъ... Вы, вѣроятно, слышали про банальный способъ нападенія здѣшнихъ макро? Это, такъ сказать, прелюдія: онъ подходитъ къ вамъ съ просьбой дать ему закурить или сказать, который часъ. Боже сохрани, исполнить одну изъ этихъ, казалось бы, невинныхъ просьбъ. Мгновеніе — и вы прощаетесь навсегда съ часами, кошелькомъ, а то и съ жизнью...

Глухая ночь, около двухъ. На площади Клиши приближается ко мнѣ огромный „вагабонъ" и галантно проситъ закурить... Одна рука у него въ карманѣ и, чувствую, держитъ, каналья, ножъ. Моя дама испугалась и подняла неистовый крикъ...

Я отстранилъ ее, отступилъ самъ и, сдѣлавъ внезапный прыжокъ, ударилъ бродягу

кулакомъ въ лицо... Свалился на мостовую, не пикнувъ даже...

Лѣтъ десять назадъ я ударилъ макро, который билъ въ моемъ присутствіи женщину. Прошло много времени. Вдругъ, я началъ встрѣчать на Монмартрѣ молоденькую дѣвушку... Всякій разъ она пристально смотрѣла на меня. Слишкомъ пристально. Я заинтересовался и спросилъ ее однажды:

— Что вы на меня такъ смотрите?

А она въ отвѣтъ:

— Десять лѣтъ назадъ вы заступились за мою мать. Она мнѣ показала васъ со словами: „это мой спаситель". Мать занималась ремесломъ прачки, а одинъ макро до чиста обиралъ весь ея заработокъ, который пропивалъ въ тотъ же день. Если денегъ у матери не оказывалось, онъ ее звѣрски билъ.

— Однако, и нравы же у васъ!—вырвалось у меня.

— Да, нравы ужасные,—согласился Витгофъ.—Слаба полиція и смотритъ сквозь пальцы. Распущенность... Я знакомъ съ мѣстнымъ комиссаромъ. Всякій разъ, когда къ нему приводятъ на допросъ убійцу, онъ даетъ мнѣ знать. Я тутъ же на допросѣ зарисовываю въ альбомъ преступника, Понадобится когда-нибудь типчикъ... И надо видѣть обращеніе комиссара съ этими негодяями. Онъ шутитъ съ ними, фамильярничаетъ, угощаетъ папиросами... Ни на что не похоже!.. Не удивительно послѣ этого, что не проходитъ на Монмартрѣ ночи безъ нѣсколькихъ убійствъ. Разъ почти у самыхъ моихъ воротъ макро зарѣзали своего же сообщника. Это у нихъ часто... Когда я подошелъ, онъ уже умиралъ, хрипѣлъ и судорожно царапалъ скрюченными пальцами камни... Въ спинѣ его торчалъ окровавленный ножъ... Одно слово—апахи!

* * *

Витгофъ помолчалъ, припоминая:

— Два раза мнѣ пришлось заступиться въ здѣшней академіи художествъ за слабыхъ товарищей. Ради Бога, не подумайте, что я рисуюсь. Я не къ тому говорю. Вы спрашиваете,—я отвѣчаю. Былъ въ нашемъ классѣ еврей, нѣкто Кругеръ. Жалкое болѣзненное существо. Несуразная фигура, пѣтушиная грудь, искривленный позвоночникъ, тоненькій писклывый голосокъ... Издѣвались молодые „метры" надъ нимъ, сколько могли. Наконецъ, устроили ему страшную пакость: заплевали сплошь рисунокъ, надъ которымъ онъ долго работалъ и который надо было подать для просмотра Бугеро. Увидѣлъ Кругеръ свой рисунокъ въ такомъ плачевномъ видѣ, чуть ума не лишился. Рыдаетъ, катается по полу, рветъ на себѣ волосы. Вижу, дѣло плохо, надо разъ навсегда положить конецъ подобному безобразію. Я узналъ, кто былъ главнымъ коноводомъ, подошелъ къ нему, схватилъ за горло и говорю:

— Слушай, негодяй, повторится что-нибудь подобное еще разъ,—я тебя искалѣчу!

Поблѣднѣлъ малый, затрясся весь и тутъ же далъ клятву не обижать больше бѣднаго Кругера.

— Сдержалъ онъ ее? — полюбопытствовалъ я.

— Попробовалъ бы онъ не сдержать!—сверкнулъ Витгофъ своими черными энергичными глазами.

— Надо вамъ сказать, что въ академіи очень разспространена игра „въ су". На полу проводятъ черту и съ извѣстной точки нѣсколько учениковъ бросаютъ впередъ по монетѣ. Чья упала ближе къ чертѣ, тотъ забираетъ всѣ остальные „су" себѣ. Одному молоденькому марсельцу страшно везло, и каждый разъ всѣ „су" партнеровъ перекочевывали въ его карманъ. Это не понравилось здоровенному, какъ буйволъ, шведу. Онъ возьми, да и обзови марсельца шулеромъ. Мальчикъ, гордый, самолюбивый, въ ужасъ пришелъ отъ оскорбленія и осыпалъ обидчика бранью. Шведъ, огромный дѣтина, отвѣтилъ ему пощечиной... У меня потемнѣло въ глазахъ, я бросился и буквально вонзился всей своей, какъ видите, маленькой фигуркой въ рыжаго необъятнаго шведа... Черезъ нѣсколько мгновеній онъ очутился подо мной и, не разними насъ товарищи, я, пожалуй, избилъ бы его жестоко.

* * *

Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ я считалъ себя безусловно правымъ, но былъ случай, когда меня долго мучила совѣсть... Сидѣлъ я какъ-то съ товарищами на верандѣ одного изъ монмартрскихъ кабачковъ. Мимо снуетъ народъ, а мы болтаемъ, пьемъ пиво и наблюдаемъ... Подходитъ дряхлый старикъ-ветошникъ, останавливается и начинаетъ выкрикивать стихами свой немудреный товаръ. Гарсонъ гонитъ его прочь. Старина возражаетъ весьма резонно, что находится на своей территоріи и въ правѣ предлагать товаръ уличной публикѣ. Гарсонъ взялъ и толкнулъ его. Да такъ неосторожно, что старикъ вывихнулъ палецъ. Благимъ матомъ завылъ онъ, слезы текутъ по морщинистому небритому лицу. И такимъ безпомощнымъ, жалкимъ показался онъ мнѣ. Я—подзатыльникъ наглому гарсону. Да такъ неосторожно, что тотъ шлепнулся и расшибъ себѣ въ кровь физіономію. Товарищи унесли его во внутреннія комнаты обмывать. Прихожу и я. Стыдно мнѣ стало — обидѣлъ человѣка. А гарсонъ и говоритъ:

— Если бъ не мой этотъ передникъ, я бы вамъ показалъ. Я бы васъ на дуэль вызвалъ!..

— Зачѣмъ же дѣло стало,—отвѣчаю,—вы гарсонъ, я художникъ,—но мы равны. Я принимаю вашъ вызовъ... Но лучше всего давайте помиримся и разопьемъ по этому случаю бутылку шампанскаго.

Гарсонъ на дыбы. И слушать ничего не желаетъ. Бормочетъ какія-то угрозы. Я пожалъ плечами и ушелъ домой. На другой день проснулся, началъ дѣлать спѣшный рисунокъ для „Courrier Français". Два раза Жюль Рокъ за нимъ присылалъ. Не могу, карандашъ изъ рукъ валится. Стоитъ у меня предъ глазами окровавленный гарсонъ и не даетъ покоя. Совѣсть мучитъ. Бросилъ я рисунокъ, за шляпу и въ кабачекъ. Говорю гарсону: или вызывайте меня на дуэль, или помиримся. Одно изъ двухъ.

Тутъ и хозяйка начала его уговаривать: „Полно тебѣ ломаться, мирись!" Поднялись мы съ нимъ наверхъ, онъ отцѣпилъ передникъ и выпилъ со мной дружно шампанскаго... Тогда только отлегло у меня отъ сердца... Такъ-то-съ, земляче, всякаго бывало... Вы слушаете и думаете — вотъ забіяка!

— Нисколько, — отвѣтилъ я совершенно искренно. — Все, что вы разсказали, только дѣлаетъ честь вашему доброму, рыцарскому сердцу...

* * *

Продолговатая мастерская Давида Осиповича невелика, но чрезвычайно удобна и уютна. Да и зачѣмъ ему, рисовальщику, слѣдовательно, автору небольшихъ сравнительно картинокъ,—обширная студія? Потолокъ—на одну треть аркообразный, стеклянный, благодаря чему мастерская обильно залита верхнимъ свѣтомъ. Въ это гигантское окно заглядываютъ зеленыя вѣтви сосѣднихъ деревьевъ. Получается впечатлѣніе чего-то милаго, провинціальнаго, почти захолустнаго. Усугубляется оно позеленѣвшимъ, запыленнымъ самоваромъ, что пріютился на полкѣ въ обществѣ пары грубыхъ крестьянскихъ лаптей.

— Давненько, вѣроятно, не ставился этотъ самоваръ?—спросилъ я улыбаясь.

— Очень давно. Здѣсь не пьютъ чаю... Но пусть стоитъ. И онъ, и эти лапти напоминаютъ мнѣ Россію... Тянетъ меня туда. Вотъ я хорошо устроился въ Парижѣ, зарабатываю много денегъ, сдѣлалъ имя; а моя завѣтная мечта, знаете какая?—уѣхать въ Малороссію, купить хуторокъ гдѣ-нибудь на берегу Днѣпра и писать картины, для души писать...

Стѣны, столы, кушетка мастерской пестрятъ самыми разнообразными предметами. Тамъ улыбается отвратительной гримасой черепъ подъ лихо сдвинутой на бокъ феской зуава. Тамъ толстая унизанная гвоздями палица совершенно придавила пару нѣжныхъ элегантныхъ дамскихъ туфелекъ. Здѣсь небрежно валяется средневѣковый костюмъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ край лоснящейся шкуры пантеры. Папки, альбомы, картоны, книги по искусству въ художественныхъ переплетахъ, гипсовыя модели...

Витгофъ показывалъ мнѣ свои многочисленные рисунки. У него замѣтны два пріема работы. Въ жанровыхъ и фантастическихъ композиціяхъ преобладаетъ сочный, „вкусный" штрихъ, преобладаетъ до дерзости смѣлый ударъ карандаша, изобличающій владѣющаго большими знаніями рисовальщика. Портреты, гдѣ главное вниманіе обращено на характеръ натуры и правильность индивидуальнаго рисунка, а не типичнаго,—сдѣланы сжатыми, сухими, чисто „гольбейновскими" линіями. Какіе краснорѣчивые, говорящіе портреты! Сквозь эти сухія, до виртуозности сжатыя линіи просвѣчиваетъ душа, темпераментъ... Портретъ Жерома, напримѣръ. Вы чувствуете сразу человѣка необычайно одареннаго, умнаго, но холоднаго, такого же холоднаго, какъ все разсудочное, строго-логическое творчество Жерома.

Изъ фантастическихъ композицій Витгофа мнѣ понравились двѣ, дополняющія другъ друга.

„Воспоминанія и... сожалѣнія". Вечеръ подъ новый годъ. Отдѣльный кабинетъ дорогого ресторана. Глубоко задумавшись, уронивъ на руки когда-то красивую голову, сидитъ въ креслѣ пожилой мужчина... Передъ нимъ нетронутый бокалъ съ шампанскимъ... А кругомъ граціозными призраками рѣютъ обнаженныя женщины... Дразнящія, пикантныя улыбки... Ушло, невозвратно ушло время плѣнительной молодости, когда онъ любилъ этихъ чудныхъ женщинъ и онѣ любили его... А теперь... старость и пустынное, не согрѣтое ни чьими искренними ласками одиночество. Много поэзіи и психологической правды въ этомъ изящно скомпанованномъ мотивѣ.

... Тоже кабинетъ ресторана... Тоже сидитъ въ немъ мужчина. Но не одинъ и не пожилой. Онъ еще молодъ, однако, пресыщеніе и скука жизнью рѣзко заклеймили его тонкія правильныя черты. Къ плечу его любовно склонилась головка хорошенькой женщины. Но холоденъ и равнодушенъ онъ. Словно деревянная кукла прижалась къ нему, а не теплое, жаждущее ласки и сулящее эту ласку соблазнительное существо... Онъ зоветъ смерть... И она предстала, костлявая, отвратительная, улыбающаяся .. Она замерла въ ожиданіи, а коса, неумолимая коса уже занесена надъ обреченными на гибель головами...

Вечеромъ, закончивъ эти строки, я вышелъ на балконъ.

Парижъ сверкалъ огнями. Рокоталъ, шумѣлъ.

Петровская всероссійская выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ. — Статуя Петра Великаго среди цвѣтовъ.

Трепетали флаги въ честь англійскаго короля. Внизу, за столиками у кафе, сидѣла колоритная элегантная публика...

И мнѣ представились два Парижа: одинъ культурный, высоко-культурный, эстетическій, съ Лувромъ, Люксамбургомъ, Салонами, съ тридцатью тысячами художниковъ, со множествомъ картинныхъ магазиновъ, залитый весь электричествомъ, другой—темный монмартрскій Парижъ, гдѣ среди мрачныхъ узкихъ переулковъ макро бьютъ смертнымъ боемъ своихъ рабынь и распарываютъ животы подвернувшимся жертвамъ. Эти утратившіе всякій человѣческій обликъ ужасные макро, съ лицами каторжниковъ, въ каскеткахъ и бархатныхъ, широкихъ кверху панталонахъ фасона „Шантильи"...

Неужели высшая культура должна идти рука объ руку съ вырожденіемъ?

Неужели?

Н. Брешко-Брешковскій.

Парижъ, въ маѣ 1903 г.

Князь В. Н. Тенишевъ.
(† 25-го апрѣля, въ Парижѣ).

Прекрасный Уэльслей.

Извѣстный женскій колледжъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Великолѣпный паркъ, обсаженный драгоцѣнными деревьями; на холмахъ величественный дворецъ колледжа и 20 хорошенькихъ домиковъ, отражающихся въ большомъ тихомъ озерѣ... Это и есть извѣстный американскій колледжъ, находящійся въ окрестностяхъ Бостона, недалеко отъ знаменитаго Гарвардскаго университета.

Что женскіе колледжи, не просуществовавшіе еще и 25 лѣтъ, составляютъ разсадникъ культуры въ Соединенныхъ Штатахъ, никто не станетъ спорить, кто наблюдалъ за ростомъ этихъ учрежденій и видѣлъ ихъ вліяніе на семейную жизнь въ государствѣ.

Что такое собственно колледжъ? Это нѣчто среднее между гимназіей и университетомъ; для поступленія туда требуется многолѣтнее изученіе математики, латинскаго языка, греческаго и другихъ гимназическихъ предметовъ. Студенты такого колледжа живутъ частью со своими профессорами и студентами въ окрестностяхъ колледжа, частью вмѣстѣ въ одинаковыхъ домикахъ, и такимъ образомъ представляютъ замкнутую корпорацію, маленькую республику. Управленіе предоставлено совѣту, состоящему большею частью изъ должностныхъ лицъ; внутреннія дѣла находятся въ вѣдѣніи профессоровъ и ихъ президента.

Президентша Уэльслея — миссъ Каролина Газардъ. Эта высокообразованная женщина, одаренная всѣми высокими качествами, безкорыстно взялась за трудное дѣло президентши колледжа и неустанно заботится о развитіи идеала, преслѣдуемаго Уэльслеемъ: воспитать женщинъ для страны, которыя бы ясно сознавали свою отвѣтственность передъ государствомъ, передъ семьей и передъ самими собой и которыя духовно и физически способны были бы слѣдовать этимъ идеаламъ.

Хотя только отъ четырехъ до пяти лѣтъ продолжается вліяніе колледжа на юную женскую душу, но какъ сильно можетъ быть это вліяніе на впечатлительную душу семнадцати или восемнадцати-лѣтней дѣвушки, вышедшей изъ-подъ надзора семьи и вступившей въ Уэльслей свободной гражданкой свободнаго государства! Идеалъ благородной академической свободы здѣсь, кажется, вполнѣ достигнутъ. Недавно еще восемьдесять—девяносто состоящихъ въ колледжѣ женщинъ-профессоровъ предоставили восемьсотъ юныхъ головъ собственному самоуправленію,

Русская церковь въ Чикаго.

Ординарный профессоръ, академикъ
В. М. Бехтеревъ.
(По поводу 25-лѣтія научно-медицинской и практической дѣятельности).

такъ что законодательная и исполнительная власть относительно вопросовъ, не касающихся занятій, находится въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ.

Занятіями вѣдаетъ академическій совѣтъ, состоящій изъ двадцати пяти профессоровъ—корпорація, управляющая на республиканскихъ началахъ, строго парламентскія засѣданія которой представляютъ не одни упражненія въ произнесеніи рѣчей, а серьезное изученіе интеллекта и характера. Благодаря освободительному вліянію этой „высшей дисциплины" на учащихся, учащіеся теперь добились полной свободы. Каждый учебный годъ юная республика избираетъ себѣ президента, что представляетъ очень трудную задачу, такъ какъ рѣдко можно соединить въ одномъ лицѣ всѣ требуемыя качества, умную голову, сильный характеръ, тонкій тактъ, демократическія убѣжденія. Какъ только выбранъ президентъ избираемый изъ ученицъ послѣдняго года, начинается выборъ „совѣта министровъ", а затѣмъ приступаютъ къ выбору должностныхъ лицъ, которыя должны слѣдить за исполненіемъ предписаній и законовъ. Между этими законами, не очень многочисленными, главную роль играютъ такъ называемые законы благопристойности, хотя они не особенно строгіе, такъ какъ американка любитъ быть дрессированной на свободѣ.

Въ свободные отъ занятій часы студентки предаются всевозможнаго рода спорту; онѣ катаются, ѣздятъ верхомъ, гуляютъ, ходятъ въ Бостонъ, посѣщаютъ театры, концерты, музеи, библіотеки. У нихъ бываютъ свои собственныя собранія; онѣ разыгрываютъ пьесы передъ своими же студентками, иногда, впрочемъ, и передъ смѣшанной публикой. Устраиваютъ маскарады, танцы, балы на льду, пикники, короче сказать, онѣ пользуются жизнью и пользуются безъ привкуса ненужнаго тяжелаго гнета.

При этой методѣ практическаго воспитанія самостоятельности, почти никогда не бываетъ неудачныхъ результатовъ, ибо высокое самосознаніе и всегда бодрствующее чувство мѣры развили въ дѣвушкахъ въ высшей степени сильное чувство благопристойности. Несмотря на кажущуюся полную свободу, имъ позволяется только то, что прістойно

Въ занятіяхъ также царитъ духъ полной свободы. Обязательныхъ предметовъ относительно немного. Къ такимъ предметамъ принадлежитъ высшая математика, философія, англійскій языкъ. Библія, иностранные языки, естественная исторія и гигіена. По желанію, каждая студентка можетъ покончить менѣе, чѣмъ въ два года, съ обязательными занятіями и затѣмъ ей предоставляется право свободнаго выбора.

Здѣсь, какъ и во всемъ, оказался на высотѣ практическій умъ американца. „Что мнѣ нужно изучить, чтобы сдѣлаться хорошей учительницей математики, греческаго языка, нѣмецкаго или философіи?"—спрашиваетъ себя молодая дѣвушка, желающая посвятить себя спеціальной профессіи, и соотвѣтственно этому избираетъ себѣ предметы занятій.

Дочь состоятельныхъ родителей, интересующаяся больше общимъ образованіемъ, чѣмъ какимъ - нибудь спеціальнымъ предметомъ, собираетъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ человѣческаго знанія, особенно искусствъ и литературы. Отличаясь склонностью къ естественнымъ наукамъ, студентка изучаетъ спеціально физику, астрономію, химію, зоологію и пр. Молодая дѣвушка - философъ, на ряду съ новѣйшей психологіей, изучаетъ этику, логику, исторію древней и новой философіи и произведенія великихъ философовъ.

Если студентка прослушала всѣ четыре года и хорошо выдержала экзамены, то въ концѣ четвертаго года на торжественномъ собраніи ей вручается президентшей латинскій дипломъ со штемпелемъ „В. А." (Bachelor of Arts).

Проф. Н. Н. Феноменовъ.
(По поводу 25-лѣтія ученой и врачебно-практической дѣятельности).

Императоръ Вильгельмъ въ Римѣ.—Встрѣча императора папой Львомъ XIII.

Многія студентки потомъ еще продолжаютъ свои занятія, послѣ чего получаютъ новый дипломъ съ буквами „M. A." (Master of Arts), и послѣ этого 22—24-лѣтняя дѣвушка вступаетъ въ борьбу съ жизнью.

Закаленная спортомъ и гимнастикой физически и създравомыслящимъ умомъ, вступаетъ молодая гражданка въ общественную жизнь. Ея практическій смыслъ помогаетъ ей найтись во всякомъ положеніи и удерживаетъ отъ безцѣльнаго стремленія къ недосягаемому.

Прекрасный Уэльслей въ Соединенныхъ Штатахъ.
1) Каролина Газардъ, начальница колледжа. 2) Зданіе колледжа. 3) Старшій классъ колледжа.

Почта въ Соединенныхъ Штатахъ.

Иностранца, въ первый разъ пріѣхавшаго въ Америку, обыкновенно поражаетъ повторяющійся нѣсколько разъ въ день продолжительный рѣзкій свистокъ на улицахъ города и въ подъѣздахъ домовъ. Загадка эта разрѣшается очень скоро: это обычный свистокъ почтальона, извѣщающій о его прибытіи и призывающій къ полученію писемъ. Почтальонъ Соединенныхъ Штатахъ не похожъ на нашего несчастнаго, бѣгающаго по всѣмъ лѣстницамъ почтальона. Онъ баринъ; онъ приглашаетъ за письмами къ себѣ. Въ щегольскомъ сѣромъ мундирѣ, съ кожаной сумкой черезъ плечо и щегольской фуражкой на головѣ, замѣняемой лѣтомъ легкимъ тропическимъ шлемомъ, онъ обходитъ свой участокъ. Отъ времени до времени раздается его сигнальный свистокъ въ сѣняхъ дома и затѣмъ его громоподобный голосъ, вызывающій по именамъ адресатовъ за полученіемъ почты. Въ лучшихъ домахъ у входа висятъ почтовые ящики отъ каждой квартиры, что еще болѣе упрощаетъ задачу почтальона.

Система эта очень проста и очень удобна и гораздо гуманнѣе нашей, заставляющей несчастныхъ почтальоновъ дѣлать нѣсколько верстъ въ день по однѣмъ лѣстницамъ. Въ жаркое время мундиръ американскаго почтальона замѣняется простой легкой блузой.

Въ главномъ почтамтѣ Нью-Іорка бываетъ всегда такое страшное скопленіе писемъ, какое въ Европѣ бываетъ только въ извѣстные дни, какъ передъ Рождествомъ, въ Новый годъ и т. п. Такъ, за послѣдній почтовый 1901—1902 годъ писемъ и открытыхъ карточекъ было на 548,166 килограммовъ и другихъ посылокъ на 4,083,426 килограммовъ—однѣхъ заграничныхъ, не говоря уже о болѣе богатой внутренней почтѣ. Правительственный почтовый пароходъ встрѣчаетъ у входа въ гавань большіе океанскіе пароходы, привозящіе почту, и здѣсь же, ни мало не медля, вся почта сортируется по маленькимъ правительственнымъ пароходикамъ, которые быстро направляются въ Нью-Іоркъ.

Въ нью-іоркскомъ главномъ почтамтѣ занимается цѣлое отдѣленіе одной разборкой непонятныхъ адресатовъ. Кромѣ этого, цѣлый этажъ занятъ недоставленными посылками, которыя ежегодно цѣлыми партіями отправляются въ Вашингтонъ—кладбище недоставленныхъ посылокъ, чему виной не американскій почтамтъ, а небрежность отправителей, задающихъ неразрѣшимыя задачи.

Если мы бросимъ взглядъ во внутренность главнаго нью-іоркскаго почтамта—огромнаго зданія въ стилѣ Ренессансъ, въ формѣ треугольника съ срѣзанной вершиной,—то предъ нами предстанетъ картина лихорадочной дѣятельности.

Самый методъ этой дѣятельности, впрочемъ, мало отличается отъ метода Стараго Свѣта. Въ большомъ залѣ, съ большимъ стекломъ наверху, въ потолкѣ, вдоль стѣнъ стоятъ большіе длинные сортировочные столы, возлѣ которыхъ стоятъ низенькіе желѣзные станки съ цѣлымъ рядомъ мѣшковъ, снабженныхъ этикетами и названіями мѣстностей, въ которые и складывается вся почта. Штемпелевка писемъ производится съ невѣроятной быстротой, посредствомъ штемпельной машины; шумъ ея, подобный шуму швейной машины, цѣлый день слышится въ коридорахъ почтамта.

Мѣшки, вѣсящіе около 50 фунтовъ, по наполненіи складываются на особыя тележки, которыя свозятся на платформу, примыкающую къ наружной стороны зданія. Здѣсь ихъ ужъ ждетъ огромный красный полосатый фургонъ съ надписью „U. S. Mail", развозящій почту по различнымъ нью-іоркскимъ вокзаламъ. Весь процессъ сортированія и разгрузки совершается со свойственной американцу быстротой и точностью.

Къ сожалѣнію, американская почта беретъ на себя отсылку пакетовъ не тяжелѣе 4 фунтовъ внутри страны, а заграницу, какъ, напримѣръ, въ Германію, не тяжелѣе 11 фунтовъ. Для отправки же большихъ пакетовъ существуетъ особое общество, которое, несмотря на высокую взимаемую плату, страдаетъ медленностью и неаккуратностью.

Помимо главнаго почтамта, по всѣмъ частямъ города разсѣяны почтовыя отдѣленія и, кромѣ того,—спеціально американская выдумка,—много вспомогательныхъ отдѣленій, такъ называемыхъ „sub-stations", которыя, какъ это ни странно, помѣщаются въ аптекахъ или аптекарскихъ магазинахъ, на что владѣльцы магазиновъ охотно соглашаются. Здѣсь же продаются марки, открытыя письма и бланки. Въ Нью-Іоркѣ, помимо главнаго почтамта, находится 34 почтовыхъ отдѣленія и 162 вспомогательныхъ отдѣленія.

Почтовыхъ ящиковъ разсѣяно огромное количество, причемъ они прикрѣплены обыкновенно къ фонарнымъ столбамъ и выкрашены аллюминіевой краской, чтобы были замѣтнѣе въ темнотѣ. Большіе особые ящики для книгъ, разныхъ образчиковъ, представляютъ большое удобство для торговцевъ, живущихъ далеко отъ почтамта.

Замѣчательно то, что американская почта съ самаго своего основанія работаетъ всегда съ убыткомъ.

Такъ, до 1870 года, за исключеніемъ немногихъ счастливыхъ годовъ, ежегодный дефицитъ былъ въ 3.000,000 долларовъ.

Недаромъ въ Америкѣ уже давно поговариваютъ о томъ, чтобы превратить почту въ частное предпріятіе. Недавно одинъ нью-іоркскій капиталистъ сказалъ: „Отдайте почту въ руки дѣловыхъ людей, и я вамъ ручаюсь за 30 или 40 милліоновъ долларовъ ежегоднаго дохода". Это весьма возможно, такъ какъ всѣ общественныя предпріятія, находящіяся въ частныхъ рукахъ, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожныя и пароходныя компаніи, какъ извѣстно, приносятъ обильную жатву.

Странныя сватовства.

„Modern Society" разсказываетъ интересныя вещи о странныхъ формахъ сватовства у различныхъ народовъ. Напримѣръ, у венгерскихъ цыганъ пирожки играютъ роль любовныхъ писемъ. Юноша, домогающійся любви дѣвушки, запекаетъ въ пирожкѣ монету, которую и передаетъ ей при первомъ удобномъ случаѣ. Принятіе монеты означаетъ согласіе, немедленное возвращеніе,—отказъ. Этотъ способъ хорошъ тѣмъ, что не многословенъ, но краснорѣчивъ.

Во многихъ частяхъ свѣта отъ жениха требуется только физическая сила. У полудикихъ племенъ Аравійской пустыни юноша увлекаетъ себѣ невѣсту силою въ то время, когда она пасетъ стада

своего отца. Она, разумѣется, защищается изо всѣхъ силъ палками, каменьями, пескомъ, и если ей удается при этомъ его ранить, то она пріобрѣтаетъ славу на всю жизнь. Если-же юношѣ удается увлечь ее въ палатку отца, то цѣль достигнута, и бракъ считается совершившимся.

Эскимосъ тоже беретъ себѣ жену силою и преспокойно тащитъ свою возлюбленную за длинные волосы или за мѣховую одежду въ свою ледяную юрту или палатку.

Гораздо болѣе поэтично сватовство у племени Пао-Мидосъ, одного бирмано-татарскаго народца. Мужчины этого племени безъ словъ, а только звуками музыки выражаютъ свои любовныя притязанія. Въ первый же зимній день устраивается большой праздникъ, на который собираются всѣ дѣвушки-невѣсты слушать музыку, которая исполняется сидящими подъ деревомъ „желанія" юношами, при чемъ каждый играетъ на своемъ любимомъ инструментѣ. Когда проходитъ любимая дѣвушка, юноша начинаетъ играть громче и страстнѣе. Если дѣвушка дѣлаетъ видъ, что не слышитъ и проходитъ мимо, то онъ понимаетъ, что она не желаетъ его, если-же она подходитъ къ нему и бросаетъ ему цвѣтокъ на инструментъ, онъ вскакиваетъ, схватываетъ ее за руку, при чемъ старается не уронить цвѣтка.

Оригинальный обычай господствуетъ на островѣ Борнео, у племени Дейка. Когда мужчина хочетъ завоевать себѣ дѣвушку въ жены, онъ рыцарски помогаетъ ей исполнять всѣ самыя трудныя работы. Если она встрѣчаетъ его съ улыбкой, онъ ей ничего не говоритъ, но, дождавшись темной ночи, прокрадывается къ ея дому, когда она находится вмѣстѣ со своими родителями. Если родители согласны, они не трогаются съ мѣста и дѣлаютъ видъ, что спятъ. Дѣвушка встаетъ и принимаетъ отъ своего милаго бетель и различныя сладости. И обрученіе такимъ образомъ считается совершившимся.

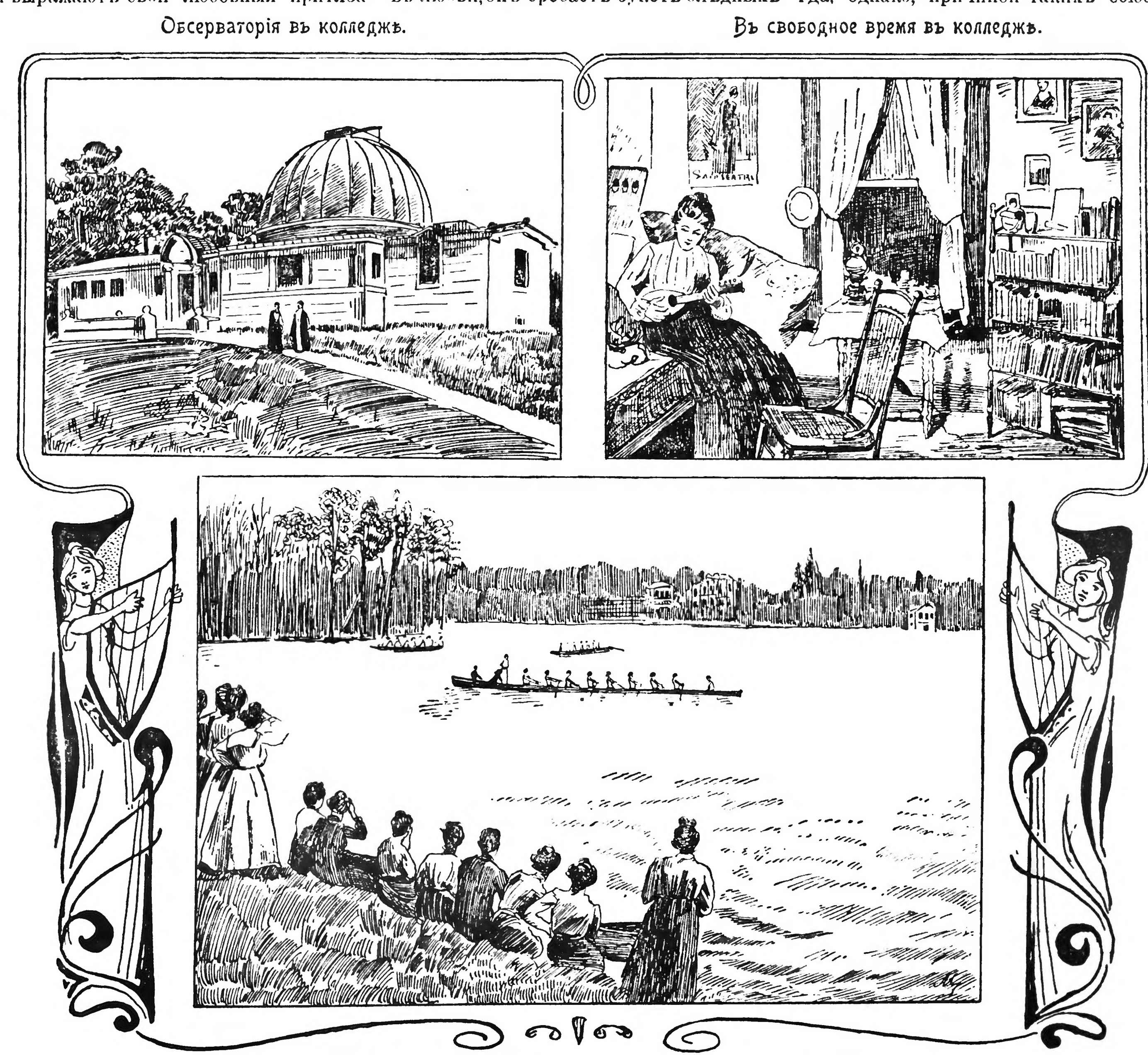
Когда японецъ желаетъ объясниться въ любви, онъ бросаетъ букетъ блѣдныхъ цвѣтовъ сливнаго дерева въ носилки избранницы своего сердца, когда она отправляется на свадьбу своей подруги. Если она бросаетъ цвѣты назадъ, то любовь считается отвергнутой, если она ихъ прикалываетъ къ своему поясу, то влюбленный можетъ поздравить себя съ успѣхомъ.

Американскія красавицы.

Подобно тому, какъ пароходный трестъ, нью-іоркская биржа и мясные короли въ Чикаго, американскія красавицы представляютъ серьезную опасность для старой Европы. Американскія красавицы— главныя пособницы людей долларовъ въ американизированіи всего свѣта. Международная дипломатія въ большинствѣ случаевъ уже побѣждена. Въ Вашингтонѣ каждый атташе до истеченія срока своей командировки попадаетъ въ сѣть туземной красавицы, разумѣется, богатой, ибо ошеломляющая музыка долларовъ играетъ въ этомъ не малую роль. Ни въ какой странѣ денежный орелъ такъ высоко не садился, какъ въ Америкѣ. Черезъ миссъ Гейне, которая недавно развелась съ монакскимъ принцемъ, американки проникли даже въ замкнутые кружки владѣтельныхъ князей. Не всегда, однако, причиной такихъ союзовъ служитъ презрѣнный металлъ,—часто заключеніемъ такихъ союзовъ руководитъ искренняя любовь. Фельдмаршалъ Вальдерзее, покойный нѣмецкій посланникъ графъ Гацфельдтъ, убитый баронъ Кеттелеръ, сэръ Вильямъ Гаркуръ и сотни другихъ были женаты на американкахъ.

Вице-королева Индіи, леди Керзонъ, урожденная американка. Герцогиня Мальборо—американка (урожденная Вандербильдтъ), и хваленый и ненавидимый представитель нынѣшней Англіи, Чемберлэнъ, два раза женатый на своихъ соотечественницахъ, женился въ третій разъ на американкѣ. Баронъ Спекъ фонъ-Штербургъ, нѣмецкій представитель въ Вашингтонѣ, женатъ на американкѣ.

Обсерваторія въ колледжѣ. Въ свободное время въ колледжѣ.

Прекрасный Уэльслей въ Соединенныхъ Штатахъ.—Игра и спортъ въ колледжѣ.

(Къ статьѣ на стр. 132)

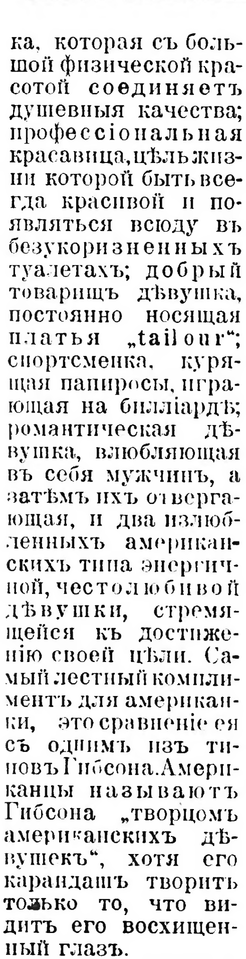

Флорина Несби,
замѣчательная американская красавица, любимая актриса.

Эвелина Несби,
извѣстная американская красавица.

Нью-Іоркская хористка въ формѣ американской студентки.

Сами американцы говорять, что въ ихъ странѣ самыя красивѣйшія женщины въ мірѣ, самые высокіе дома, самые богатые люди и величайшіе мошенники. Извѣстно, что американецъ часто бросается въ погоню за долларами ради своей прекрасной жены, своей королевы. Онъ желаетъ ее нарядить и украсить, она должна быть красивѣе всѣхъ. Американка замѣчательная мастерица въ уходѣ за красотой, который она обратила въ настоящій культъ. Нѣтъ ни одной американской газеты, въ которой не было бы урока по домашней гимнастикѣ или массажу лица. Съ юности американка заботится, какъ бы придать своему стану красивыя линіи, эластичность и кожѣ нѣжность и бѣлизну. Заботы эти приносять хорошіе результаты. Типичная американская женщина высока и стройна, фигура ея эластична и естественно граціозна, при этомъ она мастерица со вкусомъ одѣваться и носить красивые туалеты. Ни на одной сценѣ всего міра не найдется такихъ красивыхъ, хорошо одѣтыхъ и прелестныхъ женщинъ, какъ на подмосткахъ нью-іоркскаго театра. Директора театровъ стремятся на-перебой приглашать красивыхъ и очаровательныхъ хористокъ. Послѣднія быстро дѣлаются популярными и представляютъ притягательную силу счастливаго храма музъ. Настоящій типъ красивой американской дѣвушки далъ художникъ Чарльзъ Дана Гибсонъ, 36 лѣтъ, лучшій американскій рисовальщикъ. Гибсонъ дѣлитъ золотыхъ фей на шесть разрядовъ, которые постоянно встрѣчаются въ его рисункахъ, оплачиваемыхъ высокой цѣной. Шесть разрядовъ Гибсоновскихъ красавицъ слѣдующіе: идеальная дѣвушка, которая съ большой физической красотой соединяетъ душевныя качества; профессіональная красавица, цѣль жизни которой быть всегда красивой и появляться всюду въ безукоризненныхъ туалетахъ; добрый товарищъ дѣвушка, постоянно носящая платья „tailour“; спортсменка, курящая папиросы, играющая на билліардѣ; романтическая дѣвушка, влюбляющая въ себя мужчинъ, а затѣмъ ихъ отвергающая, и два излюбленныхъ американскихъ типа энергичной, честолюбивой дѣвушки, стремящейся къ достиженію своей цѣли. Самый лестный комплиментъ для американки, это сравненіе ея съ однимъ изъ типовъ Гибсона. Американцы называютъ Гибсона „творцомъ американскихъ дѣвушекъ“, хотя его карандашъ творить только то, что видитъ его восхищенный глазъ.

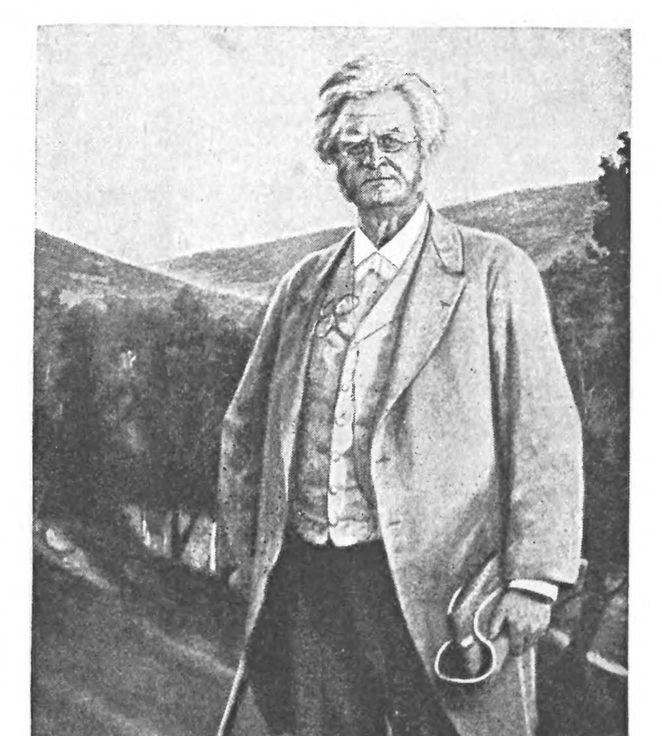
Елизавета Лее,
нью-іоркская актриса.

Геральдине Фарраръ,
прекрасная артистка Берлинской придворной оперы.

Топографическія бочки.

Филадельфійское географическое общество намѣрено прибѣгнуть къ своеобразному способу для опредѣленія пути къ сѣверному полюсу. Американскимъ адмираломъ Мельвилемъ изобрѣтены особенныя бочки изъ крѣпкаго дуба, вмѣстимостью въ 200 галлоновъ (около 90 метровъ) каждая; на бочкѣ нумеръ, а въ серединѣ ея — герметически закупоренная бутылка. Десятки такихъ бочекъ будутъ выброшены въ море въ различныхъ пунктахъ на дальнемъ сѣверѣ, около о. Банко и Принца-Патрикса, въ томъ разсчетѣ, что теченіе должно понести ихъ къ землѣ Франца-Іосифа и Новой Землѣ. Въ бутылкѣ заключается инструкція для вытащившихъ бочку и обозначеніе той широты и долготы, въ которыхъ она была брошена. О мѣстѣ находки извѣщается ближайшій консулъ Соединенныхъ Штатовъ или филадельфійское географическое общество. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ данныхъ американскіе ученые надѣются приблизительно опредѣлить путь, проплытый бочками.

Бьернстернъ-Бьернсонъ.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., № 25 соб. д. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппѳръ.